

Эволюция взглядов на ценность научного знания в западной философии

Л. А. Пафомова✉

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия*

✉lapafomova@etu.ru

Введение. В статье проанализирована эволюция взглядов на ценность научного знания в различных направлениях западной философии, начиная с античного периода до XX в. Актуальность статьи обусловлена тем, что взгляд на научное знание как на ценность научной реальности является достаточно новым явлением.

Методология и источники. Методологическая основа работы – культурфилософский анализ различных точек зрения в произведениях как античных философов, так и мыслителей эпохи Возрождения, Нового времени (Платона, Аристотеля, Пифагора, Фомы Аквинского, Леонардо да Винчи, Ф. Бэкона, Локка, Гоббса, Декарта, Спинозы), а также в работах О. Конта, Спенсера, Маха, Пуанкаре, Пирса, Джеймса, Дьюи, Ясперса, Б. Рассела и др. (т. е. представителей позитивизма, экзистенциализма, неотомизма).

Результаты и обсуждение. Сегодня можно выделить два направления отношения к науке: либо ее абсолютизация – сциентизм, либо противопоставляемый науке культ абстрактного человека – антропологизм. Это следствие тех изменений во взглядах на научное знание, которые происходили на протяжении всей истории развития науки. Так, в античный период ценность науки определялась, во-первых, не по отношению к практической деятельности человека, а лишь по ее отношению к знанию и познанию, во-вторых, как способ саморазвития личности. В Средние века наука – «служанка» богословия. В эпоху Возрождения перед наукой вставали новые задачи: первая – антирелигиозное понимание сущности человека, вторая – обоснование роли научного знания как для практики, так и для миропонимания в целом. Именно на этом понимании значения научного знания были построены концепции философов XVII–XVIII вв., и они господствовали вплоть до середины XIX в. С этого периода начинает доминировать односторонний подход: отрицается мировоззренческая роль ценности науки и берется только ее прагматическая ценность. Наряду с этим возникает и критическое отношение к науке, которое перерастает затем в антисциентизм. Сегодня пессимистический подход (постмодернизм, например) к рассмотрению ценности научного знания характерен для современных философских течений, отрицающих не только ценность научного знания, но и само знание.

Заключение. Оценка научного познания в западной философии претерпела существенные изменения. Если в классической философии за малым исключением преобладало признание всесторонней ценности науки, т. е. ее мировоззренческой, гуманистической и практической ценности, то в дальнейшем ставятся под сомнение все эти три основных аспекта ценности научного знания. В крайних формах это ведет к появлению антисциентизма, для которого именно развитие научного познания – источник бедствий и страданий человека.

© Пафомова Л. А., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: наука, научное знание, ценность, мировоззрение, агностицизм, скептицизм, позитивизм, неотомизм, экзистенциализм.

Для цитирования: Пафомова Л. А. Эволюция взглядов на ценность научного знания в западной философии // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 6. С. 28–41. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-6-28-41

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 15.09.2021; принята после рецензирования 25.10.2021; опубликована онлайн 24.12.2021

Evolution of Views on the Value of Scientific Knowledge in Western Philosophy

Ludmila A. Pafomova✉

Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

✉lapafomova@etu.ru

Introduction. Evolution of views on the value of scientific knowledge in various directions of Western philosophy, from the ancient period to the 20th century is analyzed in the article. The relevance of the article is due to the fact that the view of scientific knowledge as the value of scientific reality is a fairly new phenomenon.

Methodology and sources. The methodological basis of the work is the cultural and philosophical analysis of various points of view in the works of both ancient philosophers, philosophers of the Renaissance and the New times (Plato, Aristotle, Pythagoras, F. Aquinas, Leonard da Vinci, F. Bacon, Locke, Hobbes, Descartes, Spinoza), as well as in the works of O. Comte, Spencer, Mach, Poincare, Pierce, James, Dewey, Jaspers, B. Russell, etc. (i.e. representatives of positivism, existentialism, neo-Thomism).

Results and discussion. Today two directions could be distinguished in the relation to science: either its absolutization, that we name scientism, or the cult of an abstract person opposed to science – anthropologism. This is a consequence of the changes in the views on scientific knowledge that have taken place throughout the history of science. Thus, in the ancient period, the value of science was determined, firstly, not in relation to the practical activity of a human being, but only in relation to science to knowledge and cognition, and secondly, as a way of self-development of the individual. In the Middle Ages, science was the “handmaid” of theology. In the Renaissance science faced new challenges: the first was an anti-religious understanding of the essence of a person, the second was the justification of the role of scientific knowledge both for practice and for the worldview as a whole. It was on this understanding of the meaning of scientific knowledge that the concepts of the philosophers of the XVII–XVIII centuries were built, and they dominated until the middle of the XIX century. From this period, a one-sided approach begins to dominate – the ideological role of the value of science was denied and only its pragmatic value is taken. Along with this, there is also a critical attitude towards science, which then develops into anti-scientism. Today, a pessimistic approach (postmodernism, for example) the approach to the consideration of the value of scientific knowledge is characteristic of modern philosophical trends that deny not only the value of scientific knowledge, but also deny knowledge itself.

Conclusion. The evaluation of scientific knowledge in Western philosophy has undergone significant changes. If in classical philosophy, with a few exceptions, the recognition of the comprehensive value of science prevailed, i.e. its ideological, humanistic and practical value, then in the future all these three main aspects of the value of scientific knowledge are analyzed. In the extreme forms, this leads to the emergence of antiscentism, for which it is the development of scientific knowledge is perceived as a source of human misery and suffering.

Key words: science, scientific knowledge, value, worldview, agnosticism, skepticism, positivism, neo-Thomism, existentialism.

For citation: Pafomova L. A. Evolution of Views on the Value of Scientific Knowledge in Western Philosophy. DISCOURSE. 2021. Vol. 7, no. 6, pp. 28–41. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-6-28-41 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 15.09.2021; adopted after review 25.10.2021; published online 24.12.2021

Введение. Для того чтобы правильно понять сущность и причины эволюции концепций ценности научного знания в истории человеческой мысли, следует вначале рассмотреть, как структура социально-детерминированных ценностей преломляется в структуре ценности научного знания.

Исходя из того, что ценность следует рассматривать лишь в отношении к исторически определенной социальной организации с учетом своеобразия социальных потребностей, уровня развития и специфики практики, целесообразно выделить три аспекта ценностных характеристик: во-первых, ценность может быть определена по отношению к функционированию и развитию данной общественной организации в целом; во-вторых, ценность можно определить по отношению к отдельному индивиду, включенному в данную систему социальной организации, и, наконец, ценность определяется также по отношению к той или иной социальной группе – классу. Все три аспекта ценности взаимосвязаны, между ними всегда существует некоторое единство, и развитие общества ведет к расширению и углублению этого единства. В то же время между этими аспектами есть и существенные различия, переходящие в противоречивые и даже конфликтные отношения. Одно и то же явление в зависимости от конкретно-исторических условий может играть объективно различную роль по отношению к индивидам, той или иной группе, классу или обществу в целом. В зависимости от этого исторически изменяются и его ценностные характеристики.

Другой подход к выявлению структуры ценностных характеристик, столь же важный для понимания эволюции взглядов на ценность науки, связан с материалистическим пониманием общественного развития. Ценность любого общественного явления должна рассматриваться как в отношении к потребностям, функционированию, развитию материального производства, так и к развитию общественного сознания во всех его формах и проявлениях.

Методология и источники. Методологической основой данной статьи является культурфилософский анализ различных точек зрения в произведениях античных философов, мыслителей эпохи Возрождения, Нового времени, а также в работах О. Конта, Спенсера, Маха, Пуанкаре, Пирса, Джеймса, Дьюи, Ясперса, Б. Рассела и др. Речь идет о представителях позитивизма, экзистенциализма и неотомизма.

Результаты о обсуждение. Вопрос о роли, значении и ценности научного знания, как и знания вообще, впервые стал обсуждаться еще в античной философии. Именно потому, что наука этого периода не только количественно, но и качественно отличалась от науки последующего периода, качественно иным было и отношение к ней.

Античность была эпохой зарождения и развития научных знаний. Она дала такие образцы научных концепций, которые и сегодня отвечают всем требованиям критерия научности. Так, геометрия Эвклида на протяжении многих столетий оставалась образцом

строгости построения научных теорий. Методы, при помощи которых ученым древности удалось вычислить размеры Земли, примерное расстояние до Луны и Солнца, и теперь могут быть признаны вполне научными. И все же наука античности играла сравнительно скромную роль, хотя бы потому что она оставалась фрагментарной. И в силу этой фрагментарности не могла претендовать на достаточно общее и целое описание мира. И все же именно пример успешных научных исследований стал отправным пунктом для развития античной философии. Без возникновения науки не могла бы возникнуть философия вообще и материалистическая философия прежде всего [1].

Роль научного знания в формировании философского мировоззрения привела к тому, что, например, в древнегреческой философии научное знание рассматривалось как нечто чрезвычайно ценное, но ценность науки определялась не по отношению к практической деятельности человека, а лишь по отношению к развитию его духа, мыслительных способностей, понимания сущности мира и т. д. Другими словами, аксиологический аспект научного знания брался лишь по отношению науки к знанию и познанию [2].

Однако существовала и прямо противоположная тенденция, связанная с агностицизмом и скептицизмом, которая также возникла в античной философии. Отрицание самой возможности познания, естественно, приводило к выводу о том, что научное знание не имеет объективной ценности, и в лучшем случае является лишь способом удовлетворения чисто духовных потребностей или способом саморазвития личности.

Специфическая роль античной науки привела также к абсолютизации ценности теоретического знания и принижению ценности знания эмпирического. Это особенно ярко проявилось в таких идеалистических концепциях, как философия Пифагора, философия Платона и даже философия Аристотеля. Смысл научного познания они видели лишь в том, чтобы раскрыть сущность мира и человека, и сам процесс такого раскрытия являлся конечной целью познания, без всякого отношения к практической деятельности. К. Маркс в «Капитале» указывает, что это общий недостаток всей античной науки.

Период перехода к феодализму, в сущности, не привел к качественному изменению практической значимости научного знания, но в то же время привел к существенному изменению роли научного знания в формировании мировоззрения. Господствующим мировоззрением в эту эпоху становится религия. Философия превращается лишь в средство обоснования и защиты религиозных догм, но религия в принципе противоречит науке, поэтому резко изменяется оценка роли и значения научного знания. Это, по сути, отрицательное отношение к науке, научности сохраняется на протяжении всего Средневековья как господствующая идеология. И хотя, несомненно, существовали тенденции возрождения научного знания, они оставались подавленными. Лишь в эпоху Возрождения научность вновь становится синонимом истинности [3].

Начиная с XVII–XVIII вв., этот этап сменяется этапом, характеризующимся дифференциацией наук. Это было связано с возникновением экспериментальной науки, с потребностями зарождающегося капиталистического производства и общественной практики в более детальном и строгом знании об отдельных явлениях.

Начиная с XIX в., в развитии науки все большее место занимают интеграционные процессы. Это было вызвано накоплением огромного фактического материала, требовавшего теоретического осмысления.

В наши дни для развития науки характерен дифференциально-интегральный процесс. Дифференциация наук сочетается со все более усиливающимся процессом их глубокой интеграции, синтезом научных знаний, комплексным подходом, переносом методов исследования из одной области в другую, взаимопроникновением методов. Современное производство становится все более зависимым от успехов научно-исследовательской деятельности, от теоретических разработок. Наука как деятельность по производству знаний становится ведущим фактором развития материального производства, определяет темпы его роста. Многие отрасли промышленности, например электроника, атомная энергетика, производство синтетических материалов, были порождены наукой и успешно функционируют на ее базе.

Как уже отмечалось, на первом этапе своего развития наука качественно отличалась от науки последующих этапов. Отсюда и своеобразная точка зрения на ценность научного знания того времени. Так, для древнегреческой науки характерны свои определенные ценностные установки: постижение бытия как такового ради самого знания; истина заслуживает уважения в силу того, что она истина, а не в силу достоинств того, кто ее высказывает. Это своеобразие ценностной характеристики науки и ее значения определялось также и особенностями социальной жизни полиса, где производственная деятельность, если можно так выразиться, была уделом рабов, а утилитарный аспект интереса к природе рассматривался как недостойный свободного гражданина и тем более философа. У греков, писал Ф. Энгельс, именно потому, что они еще не дошли до расчленения, до анализа природы, природа еще не рассматривается в общем, как одно целое. Она является для греков результатом непосредственного созерцания. В этом недостаток греческой философии, из-за которого она должна была впоследствии уступить место другим воззрениям. Но в этом же заключается и ее превосходство над всеми ее позднейшими метафизическими противниками.

Но ценностный подход к научному знанию, согласно которому главное значение этого знания состоит в понимании сути бытия, в его истинности, не исчерпывает понимания ценностных аспектов науки древнегреческих мыслителей. Эмпедокл, например, указывал на мировоззренческую ценность знания, говоря, что «разум человека растет у людей в соответствии с миропознанием». Эту же идею, правда с идеалистической точки зрения, высказывал и Платон, считавший, что только человек, правильно пользующийся воспоминаниями, всегда посвящаемый в совершенные таинства, становится подлинно совершенным. Большое значение развитию науки придавал и Аристотель, сделавший первую в истории философии попытку классификации знания [4].

В целом для античного периода характерно позитивное отношение к научному знанию, которое, как правило, выступает лишь как теоретическое.

На смену античному миру приходит феодализм, преобладающей формой идеологии которого была религия. В Средние века устанавливается «духовная диктатура церкви», и христианское мирозерцание превращается в непререкаемую догму, обязательную для всех сословий. Официальной наукой этого времени была схоластическая философия, процесс образования которой завершил Фома Аквинский в середине XIII в. Главной целью средневековой науки была поддержка откровения. А отсюда – ценность науки состояла в рассмотрении ее как средства для иллюстрации теологических истин, так как научное знание само рассматривалось лишь как часть, наряду с откровением совокупной мудрости, которую следует созерцать, ощущать и использовать на службе Богу.

Но, начиная с XV–XVI вв., отношение к науке коренным образом меняется. В это время, как отмечал Ф. Энгельс, были превзойдены достижения древних греков и средневековых арабов и возникло «современное естествознание – естествознание, о котором может идти речь как о науке». Под современным естествознанием Ф. Энгельс подразумевал экспериментальное и математическое естествознание, неизвестное ни древности, ни тем более Средневековью. Постепенно под влиянием практики материального производства и ее теоретического обобщения стали развиваться и совершенствоваться различные отрасли естественных наук. От единой, нерасчлененной науки начинают отделяться области знания – астрономия, механика, математика, позднее – физика, химия, биология и др. В это время взгляды на ценность науки, на ее место в обществе вновь коренным образом меняются. С одной стороны, происходит как бы возвращение к тем взглядам, которые были характерны для древнегреческих философов. А именно: ценность науки рассматривается ни в отношении к религиозному мировоззрению, а с точки зрения его истинности. Причем зачастую оно прямо противопоставляется религиозным представлениям. С другой стороны, это не простое возвращение к представлениям древних. Поскольку сама истинность знания рассматривается не как конечная и абсолютная цель, а в отношении к практической деятельности, как средство в этой деятельности. Эта идея заложена, например, в работах Леонардо да Винчи. Он, придавая значение практике, в то же время понимал всю ценность теоретических обобщений. Леонардо считал, что увлекающийся практикой без науки, словно кормчий, ступающий на корабль без руля или компаса, он никогда не уверен куда плывет... Наука – капитан, а практика – солдаты.

Таким образом, уже в эпоху Возрождения начинается тот процесс, который привел к коренному изменению роли и основных функций не только комплекса естественно-математических наук, но и всей науки в целом. Суть этого изменения состояла прежде всего в том, что качественно изменилась связь науки с материальным производством. Наука становится необходимым условием развития сначала некоторых отраслей производства, а затем и всего производства в целом. Это коренное изменение роли науки, естественно, привело к изменению соотношения ее основных функций. Хотя наука по-прежнему остается важнейшим фактором формирования мировоззрения и, даже более того, по сравнению с эпохой Средневековья эта ее роль существенно возрастает, все же в социальном плане начинает доминировать ее экономическая роль как фактора развития материального производства.

В эпоху Возрождения новые задачи, стоящие перед научным познанием, уже начали осознаваться. Первая – это антифеодалная, а следовательно, антирелигиозное понимание сущности человека, и вторая – обоснование роли и значения научного познания как для практики, так и для миропонимания в целом. Наиболее последовательно эту задачу решал материализм. Философские концепции Бэкона, Гоббса, Локка, французских материалистов XVIII в. были построены на этом новом понимании сущности и роли научного познания. Так, эту мысль мы видим у Ф. Бэкона, завершившего философию той эпохи. Вместо умозрительного идеала схоластики, согласно которой цель знания заключена в самом знании и ценность его – в возможности приближение к пониманию Бога, у Ф. Бэкона подлинное назначение знания, а отсюда и ценность, состоит в том, чтобы сделать человека владыкой природы. Он считал, что власть человека над вещами заключается в одних лишь искусствах и науках. Знание и могущество человека совпадают; знание есть сила, сила есть знание.

Ф. Бэкон справедливо считается первым ученым, который дал науке новое направление и связал ее с прогрессом материальной деятельности «механических искусств». Возрастание ценности науки от этого объединения для него очевидно, как очевидно и то, что «мы можем столько, сколько знаем».

Следует подчеркнуть, что, начиная с этого периода, вплоть до середины XIX в., бэконовская идея «знание – сила» в той или иной степени прослеживается в работах многих философов и ученых. Так, Декарт пишет, что «все знания в целом являются не чем иным, как человеческой мудростью...», и ценность знания состоит в господстве человека над силами природы, в усовершенствовании самой человеческой природы. Для Гоббса значимость знания состояла в как можно более полном постижении причин всех вещей и в том, что богатство знания есть мудрость. Спиноза ратует за то, чтобы «направить все науки к одной цели, а именно к тому, чтобы мы пришли к высшему человеческому совершенству... Поэтому все то, что в науках не подвигает нас к нашей цели, нужно отбросить как бесполезное» [5].

Нужно отметить, что если мыслители XVII в. признают науку достоянием и задачей небольшого числа ученых, резко выделяющихся и возвышающихся над большинством, то позднее, в XVIII в., например в понимании французских материалистов, наука – не достояние избранных, а дело общественное. Такова точка зрения Гельвеция, Гольбаха, Дидро, Ламетри. Для них опытное по своему источнику знание имеет целью не отвлеченное постижение истины, а достижение способности совершенствоваться и увеличивать могущество человека.

Таким образом, материализм XVII–XVIII вв. выделил три аспекта ценности научного знания: во-первых, гносеологический аспект, состоящий в его истинности как отражении объективной реальности; во-вторых, практическая ценность науки как средства преобразовательной деятельности человека, в-третьих, как фактора воспитания, развития самой человеческой личности, т. е. мировоззренческий аспект, отнесенный к индивиду.

Характерно, что только материализм всегда относительно последовательно проводил идею о ценности научного знания как в области мировоззрения, так и для развития материального производства, а также для выявления внутренних сущностных сил человека. Однако в эту же эпоху становления капиталистического способа производства в Европе в полной мере выявляется и вторая тенденция. А именно – тенденция односторонней оценки роли и сущности научного познания. Эта вторая тенденция в большей или меньшей степени проявляется во всех формах идеализма, который возникает в противовес материализму и качественно иначе ставит вопрос о ценности научного знания. Даже рационализм XVII в., несмотря на прогрессивные тенденции в нем, на его богатое идейное содержание, о чем говорит К. Маркс в «Святом семействе», в силу своей двойственности, особенно в области гносеологии, оказывается непоследовательным в трактовке ценности научного знания. Эта непоследовательность ярко проявляется в двух отношениях: во-первых, абсолютизируется теоретическое познание и его методы за счет эмпирического познания. А это непосредственно приводит к тому, что акцент с аксиологической точки зрения смещается в сторону мировоззренческой роли науки. Во-вторых, принижение роли эмпирического знания непосредственно связано с тем, что для рационализма экономическая функция научного знания, его связь с производством кажется чем-то несущественным, второстепенным. И здесь мы снова видим как бы возвращение к античной философии и даже к ее идеалистическим

системам, таким как система Платона, система Аристотеля. Здесь еще нет прямого отрицания роли научного познания как важнейшего социального фактора. Однако этому вопросу не уделяется внимания, что впоследствии разовьется в прямое отрицание социальной значимости научного познания [6].

Известно, что историко-научная и философская традиции выделяют, как правило, три главные функции науки: описание, объяснение и предвидение. Для позитивистской концепции характерно рассмотрение значимости науки только с учетом двух функций: описания и предвидения, последнее, как верно отмечено О. Контом, зависит от качества и количества накопленного ранее знания. Но в своих рассуждениях он приходит к выводам, что цель каждой науки – объяснение одних явлений посредством других на основании отношений, существующих между ними, а отсюда полезность науки для производства – это побочный продукт. Он считал, что как ни велики услуги, которые научные теории оказали промышленности, мы не должны забывать, что наука, прежде всего, имеет прямое и возвышенное назначение: удовлетворять наш разум в его основной потребности познавать законы явлений. Но это познание законов у О. Конта не что иное, как только познание отношений, существующих между явлениями, но и то чрезвычайно поверхностное. Конт, как и все его последователи, отказывают научному знанию в гносеологической и мировоззренческой ценности и этим уступают место религии. Практическая ценность науки тоже извращена, так как базируется не на гносеологической основе. Позитивизм, являясь замаскированной формой идеализма, выдавал себя за воззрение, якобы освобождающее науку из-под влияния догматической натурфилософии в интересах положительного знания. Но на самом деле позитивизм родственен агностицизму. В свое время В. И. Ленин подчеркивал, что «агностик – это позитивист». А агностицизм враждебен развитию науки и общественному прогрессу. Он обрекает человеческую мысль на скольжение по поверхности явлений, считает, что люди бессильны проникнуть в истинную сущность мира и познать его законы. Тем самым отвергается достоверность наших знаний, а научное предвидение, значение и ценность научных знаний для мировоззрения фактически сводится к нулю. Кроме того, для позитивизма характерна позиция феноменализма, т. е. ограничение идеала научного значения описаниям явлений, осознаваемых человеческой психикой. Утверждение позитивизма, что наука должна ограничиваться знанием лишь явлений, но не сущности, отвечать на вопрос «как?», а не «почему?», описывать, а не объяснять, явно противоречит не только практике современных научных исследований, но и всей истории развития науки. Кроме этого, развитие промышленного производства приводит к формированию мировоззрения утилитаризма. Наука не могла стоять в стороне от этого процесса. Практицизм деловой жизни становится и нормой научного мышления. Не случайно поэтому значимость научного знания, например для Спенсера, выступает еще и как средство приспособления к среде, способ «достигать блага и избегать вреда».

«Второй» позитивизм, как и «первый» проповедовал относительность научного знания: наука не дает подлинной картины действительности, а доставляет лишь «отметки», знаки для практики. А отсюда – явное отрицание объективной действительности, отражаемой нашим сознанием, как, например, у Маха, который всякое знание сводил лишь к ощущениям и ценность науки видел лишь в средстве для удобного обозначения многообразия ощущений субъекта.

Надо отметить, что все махисты выводили значимость науки из принципа «экономного мышления», согласно которому наука со своей целью – наиболее «экономное описание» данных опыта, наших ощущений. Но принцип «экономии мышления», если его действительно положить в основу теории познания, не может вести ни к чему, кроме субъективного идеализма. Как считал А. Пуанкаре, экономнее всего мыслить, что существуют только я и мои ощущения, раз мы вносим в гносеологию столь нелепое понятие. Неопозитивизму, как и позитивизму, характерны и плоский практицизм, неверие в познавательные способности человека, и отрицание объективного научного прогнозирования, и др. Пуанкаре отмечал, что прогресс науки подвергает опасности самые устойчивые принципы, даже те, которые считались основными.

Примиришь веру и науку на основе пересмотра важнейших научных понятий, «освободив» их от материалистического содержания, пытались и представители прагматизма. Так, Пирс как лютейший противник материализма, глубоко религиозный человек, всячески стремился оградить религию от наступления науки, понимая, что «дух науки враждебен всякой религии» и пытаясь подвести под здание науки агностический идеалистический фундамент. Ценность науки, по Пирсу, имеет лишь тогда, когда она включается в агностическую теорию сомнения в качестве одного из возможных способов закрепления веры.

Еще в начале XV в. это течение в западной философии представляло собой «восстание против науки», и его дальнейшая история полностью подтверждает это. Прагматизм, вернее его виднейшие представители, такие как Пирс, Джеймс, Дьюи и другие, в своих учениях свели истины науки к «истинам» религии, даже поставили вторые над первыми. Кроме того, наука у них полностью утрачивает свое познавательное содержание. Она перестает быть познанием объективной действительности, а становится лишь вспомогательным орудием, одним из видов опытов для решения и обслуживания индивидуальных или каких-либо других интересов. Недаром Джеймс в своей теории не придает никакого значения научному знанию, науке, полагая, что «она слишком поверхностна и имеет дело лишь с символами». Дьюи, как известно, переименовал прагматизм Джеймса в инструментализм, желая подчеркнуть, что научные знания являются не отражением действительности, а служат своего рода произвольным «инструментом» практической деятельности людей. А задача науки и ее ценность состоит в том, чтобы «составлять планы на будущее и изыскивать средства для их осуществления». Научные знания, науку Дьюи ставит на последнее место в своей классификации видов опытов, она лишается своего объективного содержания, перестает быть развивающейся системой знаний и сводится лишь к совокупности приемов и навыков решения отдельных практических проблем.

Таким образом, на первый взгляд может показаться, что позитивизм чрезвычайно высоко оценивает научное знание. Однако более детальный анализ показывает, что для позитивизма, как для субъективного идеализма вообще, научное знание остается лишь способом сокращенного, удобного фиксирования результатов опытов, которые истолковываются как чистый опыт, т. е. опыт, очищенный от своего реального объекта как объективной реальности. Следовательно, наука в лучшем случае может дать лишь картину субъективного опыта, обобщенно отобразить этот опыт, но она ничего не в состоянии сказать о самой объективной реальности, находящейся вне нашего сознания.

Таким образом, если вначале, в эпоху возникновения и развития западной философии, когда в ней преобладает материалистическое мировоззрение, аксиологический аспект научного знания выступает относительно полно, то в дальнейшем начинает явно доминировать односторонний подход к ценности научного знания при отрицании мировоззренческой роли ценности науки и подчеркивании ее прагматической ценности. Наряду с этим возникает и критическое отношение к науке.

Это критическое отношение затем перерастает в антисциентизм и последовательное проведение мысли о том, что наука служит не развитию, а разрушению общества, что именно вследствие ее влияния возникают и развиваются все отрицательные стороны общественной жизни. Таким образом, если субъективный идеализм, включая позитивизм, существенно ограничивает ценностное основание научного знания, то следующий шаг состоит уже в переходе к представлению о том, что наука имеет отрицательную ценность. Эта последовательность перехода от ценности к неценности и затем к отрицательной ценности является характерной для эволюции взглядов в западной социологии относительно роли и места научного познания. Вначале просто ограничивается область ценностного значения науки, а затем сама ценность из положительной превращается в отрицательную. Эти идеи были достаточно точно выражены в работах Шпенглера, который утверждает, что благодаря распространению научных знаний, воззрений, культура становится цивилизацией, а последняя – это старость культуры, ее постепенное умирание. Для него развитие науки есть причина гибели цивилизации. Более того, возникают целые направления в западной философской и социологической мысли, где явно прослеживается антисциентистская линия. Например, в экзистенциализме, который в середине XX в., особенно после Второй мировой войны, стал чрезвычайно популярен в широких кругах интеллигенции. Так, Ясперс утверждает, что только благодаря познанию и науке происходит разрушение. В продолжение к этому он добавляет, что обмануться должен был всякий, кто искал в науке основы своей жизни, руководства в своих действиях, самого бытия. Это означает, что наука не имеет ценности ни для мировоззрения, ни для поисков «смысла жизни», ни для руководства к действию.

Эта точка зрения на значимость науки характерна для всех представителей экзистенциализма. Речь идет об отчужденном характере науки, так как ученый относится к продукту своего труда, к науке, как к чуждому ему предмету. Кроме того, по мнению Хайдеггера, наука не способна дать представления о «существовании», ибо она по самой природе своей не поддается научному определению. В теориях экзистенциалистов – субъективистское понимание науки, согласно которому она дает нам лишь некоторые полезные сведения. Ценность науки, ее значимость состоит для них не в том, чтобы открывать неведомое, познавать непознанное, а лишь в том, чтобы устанавливать границы познания: наука ведет лишь к знанию того, на каком основании, в каких границах и в каком смысле может осуществляться познание. Кроме того, представители данного религиозного направления – Г. Марсель, К. Ясперс, М. Бубер и другие, в основу своих теорий кладут положение августинизма о том, что стремление к научному знанию аморально и греховно, что оно является источником всевозможных пороков. Они обвиняют науку во всех бедах «современной» (капиталистической) цивилизации, а выход из сложившихся трудностей находят в примате веры над религией.

Ярко выраженная антисциентистская позиция характерна и для персонализма. В нем утверждается, что современная наука не дает нам абсолютно объективной картины мира за

пределами человеческого опыта, и мы не можем узнать о действительности ничего, кроме того, что дано в личном персональном опыте. Отсюда вывод – наука не имеет абсолютно никакой ценности, правда, она что-то значит, но только в союзе с религией. Этот союз обосновывался персоналистами на всем протяжении развития их теории. Но если прежде они утверждали, что задача науки – обосновать религиозные догматы конкретными эмпирическими фактами, то в последнее время религия и наука рассматриваются ими как давно значимые законные требования человеческого духа. Разум должен идти за верой, и никакое научное знание не может вытеснить религиозное мироощущение. Как отмечает, например, Бриджман, наука должна предполагать веру в сверхъестественное, ибо ученый часто останавливается перед невозможностью проникнуть в нечто неведомое, не поддающееся никаким формам чувственной и мыслительной деятельности. Именно синтез веры и научного знания – вот что, по его мнению, необходимо: наука в сочетании с религией может обеспечить рост могущества человека по отношению к природным силам, рационализировать общественную жизнь и дать ответы на жизненные проблемы.

На первый взгляд, позитивизм, неотомизм и экзистенциализм кажутся такими философскими концепциями, которые подходят к проблеме ценности научного знания совершенно с различных позиций. Однако на деле для всех трех концепций характерен отказ от мировоззренческой функции научного знания. Это тесно связано с тем, что все эти философские концепции в большей или меньшей степени агностичны. Отказ от познаваемости вообще и особенно отказ от познаваемости в сфере частнонаучного знания полностью обесценивает науку в ее отношении к мировоззрению. Ведь если наука не отражает реальный мир, то ее теории, принципы, концептуальные схемы ничего не могут нам дать для понимания как объективной реальности, так и самого человека и его отношения к этой реальности. Если позитивизм вообще отказывается признать за научными теориями способность отображать объективную реальность, сводя эти теории лишь к способу систематизации и упрощенной записи результатов наблюдений и эксперимента, то неотомизм допускает в определенной границе способность науки отражать мир вещей. Однако, в силу примата веры над знанием вообще и научным знанием в особенности, научное знание принципиально не может выйти за пределы уже имеющегося религиозного знания. Поэтому наука принципиально не может иметь мировоззренческого значения, так как она не дает никакого нового знания даже в той области, где она действительно отражает мир. Кроме того, существуют области, принципиально недоступные для научного знания, которые могут открываться только посредством божественного откровения на основе веры. Таким образом, наличие ограниченной познаваемости мира в рамках научного познания, допускаемой неотомизмом, несколько не меняет общего отношения к мировоззренческой функции научного знания. Фактически никакого вклада в мировоззрение наука внести не в состоянии, в лучшем случае, согласно неотомизму, наука лишь подтверждает религиозные догмы.

В экзистенциализме мы встречаем то же отрицательное отношение к мировоззренческой ценности научного знания. Хотя наука и отражает реальность, но она способна отражать лишь некую форму вещей, явлений, процессов, не проникая в суть бытия. А миропонимание, мировоззрение – это знания сути бытия, оно достигается лишь внутренним опытом индивида, независимо от содержания научного знания.

Итак, агностицизм является характерной чертой практически всех современных теорий философии постмодернизма, а, как мы видели, именно с ним связано отрицание мировоз-

зренческой ценности научного знания. С отрицательным отношением к мировоззренческой ценности научного знания связано изменение и в оценке роли науки в воспитании и формировании личности человека. В классической философии признавалась не только мировоззренческая ценность науки, но и ее роль в становлении, развитии, воспитании личности. Наука рассматривалась как важнейший фактор формирования личности современного человека. Образование как элемент воспитания включает в себя изучение достижений научного познания безотносительно к тому, имеют ли эти знания практическое значение. В противоположность этому, современная западная философия, отрицая мировоззренческую ценность науки, отрицает тем самым и роль науки как фактора формирования личности. В самом деле, ведь если наука ничего не говорит нам о сущности бытия, о сущности самого человека и об отношении человека к миру, то она имеет смысл лишь постольку, поскольку человек преследует определенные практические цели. Но для этого достаточно располагать узкоспециальными знаниями. Отказываясь от мировоззренческой роли научного знания, современная западная философия создает тем самым предпосылки для превращения религии в единственный фактор формирования личности. В лучшем случае допускается, что этот вакуум может быть заполнен философскими концепциями, которые, по утверждению Б. Рассела, представляют собой ничейную полосу, разделяющую науку и религию.

Отказываясь признать мировоззренческую и гуманистическую ценность научного знания, основные направления современной западной философии все же вынуждены признавать практическую значимость науки. Действительно, ведь в современных условиях наука как форма общественного сознания играет столь важную роль в социальном развитии в целом, что игнорировать это невозможно. Поэтому все основные направления современной западной философии, каждая по-своему, ставят и решают вопрос о ценности научного знания в практическом отношении. Для этих направлений обосновать практическую ценность научного знания – далеко не простая задача. Дело в том, что в действительности практическая ценность науки тесно связана с тем, что она есть форма отражения объективной реальности, т. е. практическая ценность неотделима от познавательной ценности науки. Между тем переход современной западной философии к агностицизму лишает ее возможности правильно понять причины ценности научного знания для решения практических задач. Приходится искать другие пути, объясняющие практическую ценность науки. Несмотря на то, что каждое направление современной западной философии решает эту задачу по-своему, общим для всех этих направлений является то, что при этом абсолютизируются не главные, а второстепенные факторы, определяющие практическую ценность науки.

При этом следует подчеркнуть, что по этому вопросу в современной западной философии нет единой, последовательной точки зрения. Признается лишь ограниченная практическая значимость науки, а нередко, как это делается в так называемых несемиотических концепциях научно-технического прогресса, при глобальной постановке вопроса наука объявляется источником всех социальных бед, и, следовательно, отношение к ней становится отрицательным.

Таким образом, лозунг «знание – сила» и стремление такое знание получить объединяли западных философов разных направлений вплоть до середины XIX в. Разногласия заключались лишь в представлении о путях реализации этой задачи. Таков внутренний пафос взглядов Бэкона и Декарта, Спинозы и Локка, Канта и Гегеля. Рационализм господствовал

в западной философии до середины XIX в. Если раньше гуманистические представления были связаны с культом знаний, возвеличиванием разума, то теперь возникают формы своеобразного «иррационалистического гуманизма». Таких различных западных философов, как Ф. Ницше, Г. Зиммель, А. Бергсон, У. Джеймс, Д. Дьюи и многих других, объединяет враждебное отношение к разуму, рационалистическим системам. Они открыто проповедают враждебность научному знанию, а, например, экзистенциалисты, расценивают ориентацию на науку как одну из причин пороков современной цивилизации. И если раньше подобные оценки были монополией религиозных проповедников, то теперь можно говорить о светской социальной апокалиптике конца XIX в. – начала XX в.

Неприятное отношение к науке, разумеется, не вырастает из абстрактных рассуждений, а связано со злободневными социальными проблемами. Речь идет об отражении в общественном сознании того факта, что в условиях капитализма достижения науки могут использоваться (и используются на практике) во вред человечеству: разгул милитаризма, проявляющиеся все четче социальные последствия научно-технического прогресса. В настоящее время бурный прогресс научного знания, колоссальный рост влияния науки на общественную жизнь сочетается с волной критических настроений, обращенных против науки, с распространением концепций, провозглашающих «ненадежность человеческого знания». Этот пессимистический подход к рассмотрению научного знания характерен для современных философских течений, которые отрицают не только ценность научного знания, но и само знание.

В целом, на основе этих традиционных западных философских учений сейчас можно выделить два направления по отношению к науке: либо ее абсолютизация – сциентизм, либо противопоставляемый науке культ абстрактного человека – антропологизм. Но, как видно из изложенного, ни одна из этих точек зрения не может рассматриваться как научная. При этом следует подчеркнуть, что западный сциентизм и антропологизм, на первый взгляд, кажутся противоположными концепциями по отношению к ценности научного знания. В действительности сциентизм, поскольку он отрицает способность научного знания отражать мир, адекватно познавать его, быть способом познания сущности мира, сводит науку лишь к практической значимости [7].

Заключение. Все сказанное позволяет сделать вывод, что оценка научного познания в западной философии претерпела существенные изменения. Если в классической философии за малым исключением преобладало признание всесторонней ценности науки, т. е. ее мировоззренческой, гуманистической и практической ценности, то в дальнейшем ставятся под сомнение эти три основных аспекта ценности научного знания. А в крайних формах это ведет к появлению антисциентизма, для которого именно развитие научного познания – источник бедствий и страданий человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мамардашвили М. К. Лекция 9 // Лекции по античной философии. М.: Аграф, 1997. С. 140–163.
2. Платон. Государство. Книга 6 // Платон. Сочинения: в 4-х т. Т. 3. Ч. 1. / под общ. ред. А. Ф. Loseva, В. Ф. Асмуса. СПб.: СПбГУ; Изд-во Олега Абышко, 2007. С. 310–348.
3. Барановский В. Е. Метафизика эстетического (онтология, гносеология, диалектика). М.: НВП «ИНЭК», 2011.

4. Гартман Н. К основоположению онтологии / пер. с нем. Ю. В. Медведева; под ред. Д. В. Складнева. СПб.: Наука, 2003.
5. Богатов М. Манифест онтологии: М.: Скимень, 2007.
6. Возможные миры. Семантика, онтология, метафизика / отв. ред. Е. Г. Драгалина-Черная. М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2011.
7. Жеребкин С. Нестабильные онтологии в современной философии. СПб.: Алетейя, 2013.

Информация об авторе.

Пафомова Людмила Алексеевна – кандидат философских наук (1977), доцент кафедры философии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ», ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор более 50 научных публикаций. Сфера научных интересов: методология научных исследований, аксиология науки. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9250-4833>. E-mail: lapafomova@etu.ru

REFERENCES

1. Mamardashvili, M.K. (1997), "Lecture 9", *Lektsii po antichnoi filosofii* [Lectures on Ancient Philosophy], Agraf, Moscow, RUS, pp. 140–163.
2. Losev, A.F. (ed.), (2007), "Platon. State. Book 6", *Platon. Sochineniya: v 4-x t.* [Platon. Works: in 4 vol.], vol. 3, part 4, SPbGU; "Izd-vo Olega Abyshko", SPb., RUS, pp. 310–348.
3. Baranovskii, V.E. (2011), *Metafizika esteticheskogo (ontologiya, gnoseologiya, dialektika)* [Metaphysics of the aesthetic (ontology, epistemology, dialectics)], NVP "INEK", Moscow, RUS.
4. Hartmann, N. (2003), *ZUR GRUNDLEGUNG DER ONTOLOGIE*, Transl. by. Medvedev, Yu.V.; in Sklyadneva, D.V. (ed.), Nauka, SPb., RUS.
5. Bogatov M. (2007), *Manifest ontologii: monograf.* [Manifesto of ontology: monograph], Skimen, Moscow, RUS.
6. Dragalina-Chernaya, E.G. (ed.) (2011), *Vozmozhnye miry. Semantika, ontologiya, metafizika* [Possible worlds. Semantics, ontology, metaphysics], Kanon + ROOI «Reabilitatsiya», Moscow, RUS.
7. Zherebkin, S. (2013), *Nestabil'nye ontologii v sovremennoi filosofii* [Unstable ontologies in modern philosophy], Aleteya, SPb., RUS.

Information about the author.

Ludmila A. Pafomova – Can. Sci. (Philosophy) (1977), Associate Professor at the Department of Philosophy, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professora Popova str., St Petersburg 197376, Russia. The author of over 50 scientific publications. Area of expertise: methodology of scientific research, axiology of science. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9250-4833>. E-mail: lapafomova@etu.ru